E62 364

КНЯЖЕСКАЯ ДУМА

ВО МНѢНІИ

ПРОФЕССОРА СЕРГѢЕВИЧА.

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

В. Борисова.

г. Казань.
Типографія А. Ф. Гроссъ.
1896.

62 — 364 аш — 1 —

КНЯЖЕСКАЯ ДУМА

ВО МНѢНІИ

ПРОФЕССОРА СЕРГѢЕВИЧА.

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

В. Борисова.

г. Казань.
Типографія А. Ф. Гроссъ.
1896.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
30940 1992 г.

Дозволено цензурою. Казань, 16 Декабря, 1896 года.

Въ 1896 году профессоръ Сергѣевичъ закончилъ второй томъ своего капитальнаго сочиненія, носящаго общее заглавіе Русскихъ юридическихъ древностей, выпускомъ, трактующимъ о совѣтникахъ князей, въ которомъ онъ всесторонне разсматриваетъ положеніе при особѣ князя, а потомъ—царя, какъ свѣтскихъ совѣтниковъ—дружинниковъ, бояръ, такъ и духовныхъ—лицъ высшей іерархіи; этимъ двумъ положительнымъ частямъ сочиненія соотвѣтствуютъ двѣ критическія части, преслѣдующія цѣль провѣрки и, по возможности, опроверженія выводовъ предшествовавшихъ авторовъ въ области изучаемаго вопроса. Нѣтъ сомнѣнія, что появленіе труда проф. Сергѣевича среди нашей, не особенно богатой за послѣднее время, историко-юридической литературы не могло пройти незамѣченнымъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, обратило на себя вниманіе критики *); однако, нужно отдать справедливость, всѣ эти критическіе отзывы крайне поверхностны, общи, каковой характеръ, конечно, обусловливается помѣщеніемъ ихъ въ текущихъ обзорахъ современной литературы, цѣли которыхъ они, разумѣется, вполнѣ удовлетворяютъ, тѣмъ болѣе, что появились указанныя рецензіи на страницахъ не спеціальныхъ изданій. Въ послѣднихъ пока нѣтъ разбора послѣдняго произведенія проф. Сергѣевича, что очень жаль, ибо трудъ этотъ уже своей

*) Намъ пока извѣстны критическіе отзывы о сочиненіи проф. Сергѣевича въ слѣдующихъ изданіяхъ періодической прессы: въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, № 8, стр. 344—349; Русской Мысли, № 9, библіогр. отд., стр. 416—419; Новомъ Словѣ, № 9, отд. о новыхъ книг, стр. 57—58; Русскомъ Богатствѣ, № 10, отд. о новыхъ книг., стр. 57—65.

догматической частью изложенія необходимо долженъ обратить на себя вниманіе изучающихъ исторію русскаго права, не говоря, конечно, о критической, гдѣ авторъ, какъ сказано, стремится разрушить мнѣнія большинства нашихъ изслѣдователей по вопросамъ значенія и устройства совѣщательнаго органа при особѣ носителя верховной власти—думы—и вліянія на ходъ и направленіе политики въ государствѣ со стороны духовенства. Такое сочиненіе, какъ сочиненіе проф. Сергѣевича, посвященное одному изъ капитальныхъ вопросовъ исторіи русскаго государственнаго права, требуетъ, по нашему мнѣнію, не общаго, бѣглаго пересказа выводовъ автора, какъ результата его взгляда на изучаемый имъ предметъ, а, въ свою очередь,—внимательнаго, детальнаго разсмотрѣнія тѣхъ посылокъ, на которыхъ построены эти выводы. Исходя изъ такого воззрѣнія, мы рѣшили остановиться на одномъ изъ сужденій автора, именно, на сужденіи его о думѣ княжеской въ періодъ удѣльно-вѣчевой Руси*). Предлагаемый ниже разборъ ученія профессора Сергѣевича относительно положенія и значенія княжеской думы въ Руси до-московской представляетъ или, по крайней мѣрѣ, долженъ представлять изъ себя, по нашему предположенію, опытъ провѣрки положенія автора объ отсутствіи признаковъ учрежденія въ древне-княжеской думѣ, въ чемъ, по словамъ рецензента Русской Мысли, заключается вся соль книги профессора Сергѣевича.

Казань.
6 Декабря 1896 года.

---

*) См. Русскія юридическія древности. Томъ II, вып 2.—Совѣтники князя. Спб 1896 г. Глава первая—княжеская дума, стр. 337—350.

„Существованіе княжеской думы съ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Памятники постоянно говорятъ о думѣ князей съ мужами, боярами, духовенствомъ, городскими старцами и т. д. Но какъ надо понимать эти свидѣтельства памятниковъ? Была ли княжеская дума постояннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціей, или это только актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ?

Въ литературѣ господствуетъ первое мнѣніе; тѣмъ не менѣе справедливо только второе“ (337). Таково вступленіе уважаемаго профессора къ дальнѣйшему изложенію „справедливаго“ мнѣнія о думѣ нашихъ князей удѣльно-вѣчеваго уклада. Итакъ, до появленія втораго выпуска того-же тома Юридическимъ древностей большинство предшествовавшихъ авторовъ было далеко отъ истиннаго представленія о древнѣйшемъ совѣщательномъ учрежденіи русскихъ князей; даже болѣе, они держались воззрѣній, діаметрально противоположныхъ высказываемымъ нынѣ. Поэтому представляется крайне любопытнымъ разсмотрѣть новое мнѣніе, мнѣніе, притомъ, единственно „справедливое“, какъ заявляетъ авторъ въ своемъ вступленіи. Это мнѣніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что высказано оно однимъ изъ корифеевъ нашей историко-юридической литературы.

Познакомимся же съ выводами автора и тѣми доводами, которые приводитъ онъ въ защиту ихъ, причемъ, и мы

съ своей стороны, возьмемъ смѣлость представлять объясненія приводимымъ авторомъ фактамъ.

Прежде всего представляется не особенно яснымъ различіе, проводимое г. Сергѣевичемъ въ формулированіи двухъ мнѣній о древне-княжеской думѣ. Онъ утверждаетъ, что дума эта не была „постояннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенцей". Намъ думается, что никто изъ его предшественниковъ и не видѣлъ въ думѣ особаго государственнаго установленіе, снабженнаго спеціальнымъ „учрежденіемъ", какое имѣютъ, напр., наши министерства или Государственный Совѣтъ, гдѣ бы были приведены пункты о составѣ установленія, о предметахъ вѣдомства и тому подобныхъ вопросахъ, которые составляютъ содержаніе современныхъ „учрежденій". Такого юридическаго опредѣленія дума удѣльныхъ князей не могла, конечно, имѣть; всѣ отношенія періода этого опредѣляются обычаемъ, имѣютъ чисто фактическую подкладку; и даже не только этого періода, а и гораздо позднѣйшаго; возьмемъ хотя бы приказы или земскіе соборы: авторъ, конечно, не станетъ отрицать ихъ значенія въ государственной жизни Московскаго государства, но вѣдь и ихъ существованіе не было нормировано ни одной строчкой, ни одной буквой закона. Отсюда ясно, что говорить, что какое-либо явленіе государственной жизни удѣльной эпохи основано на законномъ опредѣленіи, что оно имѣло опредѣленныя границы,—представляется прямо невозможнымъ. Если же и встрѣчаются въ литературѣ мнѣнія, какъ, напр., проф. Ключевскаго и Владимірскаго-Буданова, что дума княжеская была учрежденіемъ постояннымъ, то мнѣнія эти говорятъ ни болѣе ни менѣе какъ только то, что дума княжеская была обусловлена складомъ жизни тогдашняго государства, что она

была необходимымъ условіемъ княжеской дѣятельности. Далѣе этого итти въ пониманіи выраженія „учрежденіе постоянное“—невозможно, если только не желаешь высказать полнѣйшаго незнакомства съ нашей древней государственной жизнью.

Взамѣнъ термина, „учрежденіе постоянное“ авторъ предлагаетъ другой—„актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ“. Кажется намъ, что терминъ этотъ не можетъ быть принятъ, какъ равносильный первому, что самъ по себѣ, взятый отдѣльно, онъ ничего не говоритъ; въ самомъ дѣлѣ: дума древне-княжеская есть „актъ думанія“, „дѣйствіе совѣтыванія“ князя съ людьми приближенными; (мы не говоримъ—„съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ“, потому что самъ авторъ ниже соглашается, что это не всегда было такъ; напротивъ, это было исключеніе) что же изъ этого? Вѣдь, кажется, никто и не сомнѣвается, что дума есть, „актъ думанія“, совѣщаніе; весь интересъ вопроса сосредоточивается на томъ, было ли это „думаніе“ организовано сколько-нибудь, представляло ли оно какой-нибудь порядокъ, при нарушеніи котораго члены этого „думанія“, проще—совѣщанія, сочли бы себя обиженными. Слѣдовательно, опредѣленіе г. Сергѣевича ровно ничего не говоритъ и не доказываетъ; разъ этотъ „актъ думанія“, „дѣйствіе совѣтыванія“ совершается каждымъ княземъ удѣльной Руси, причемъ, здѣсь участвуютъ болѣе или менѣе постоянные совѣтники, „думцы“, и вопросы, подлежащіе обсужденію, болѣе или менѣе одинаковы,—при этихъ условіяхъ „актъ думанія“ превращается въ „учрежденіе постоянное“ и, слѣдовательно, всякое различіе, устанавливаемое г. Сергѣевичемъ, исчезаетъ само собою. Поэтому, разъ уважаемый авторъ признаетъ не достаточно вѣрными воззрѣнія

на древне-княжескую думу у своихъ предшественниковъ онъ долженъ обратить все свое вниманіе и всю силу своей аргументаціи на доказательство не того, что дума эта была „актомъ думанія“, а того, что этотъ „актъ“ не носилъ ни чего опредѣленнаго, былъ явленіемъ чисто случайнымъ, яв лялся, однимъ словомъ, продуктомъ лишь доброй воли кня зя, его прихотью, безъ которой онъ могъ бы прекрасно обхо диться. Дѣйствительно, авторъ на слѣдующихъ страницахъ и пытается убѣдить читателя въ справедливости только что представленнаго взгляда.

Послѣдуемъ же за авторомъ и посмотримъ, какъ онъ развиваетъ свою мысль.

„Первый вопросъ, который долженъ быть поставленъ, заключается въ слѣдующемъ: былъ ли князь *обязанъ* имѣть совѣтниковъ? Конечно, нѣтъ. Князь призывался народомъ и дѣятельность его опредѣлялась „рядомъ“, заключаемымъ не посредственно съ народомъ. Но личныхъ силъ князя, ко нечно, было недостаточно не только для управленія вообще, но даже и для дѣлъ правосудія въ частности. Вотъ отсюда и вытекаетъ *не обязанность князя имѣть помощниковъ, а фактическая въ этомъ необходимость;* и далѣе: если эти помощники были вольные люди, а не рабы, то *и необхо димость совѣщаться съ ними* по *всѣмъ* дѣламъ, въ кото рыхъ они призывались оказать князю свое содѣйствіе.

Итакъ, князь совѣтуется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находитъ это нужнымъ и желательнымъ; во всѣхъ остальныхъ онъ дѣйствуетъ одинъ“ (339) *). Разберемся въ этой, довольно длинной, цитатѣ. Князь *не былъ обязанъ имѣть совѣтниковъ*. Спрашивается теперь, кто же, по мнѣ нію г. Сергѣевича, могъ *обязывать* къ этому князя древней Руси? Намъ думается, что единственной властью, если толь-

*) Курсивъ нашъ.

о это можетъ быть названо такъ, была въ этихъ случаяхъ *необходимость, складъ жизни.* Подчиняясь ей, этому непреодолимому господину нашей дѣятельности, князья, какъ заглашается и авторъ, *должны были имѣть* совѣтниковъ, потому что дѣлать все и вездѣ одному князю было невозможно въ силу уже одной ограниченности силъ нашей натуры.

Для сущности дѣла намъ кажется безразличнымъ, заставляла ли князя необходимость имѣть совѣтниковъ, или его обязывалъ кто-то къ этому, тѣмъ болѣе, что послѣднее предположеніе, конечно, отвергнетъ всякій.

Ссылка на то, что князь „призывался народомъ, который не имѣлъ обыкновенія ставить кого-либо между собою и княземъ въ видѣ обязательныхъ и постоянныхъ его совѣтниковъ, а требовалъ, наоборотъ, личной дѣятельности князя", ссылка, на которую опирается авторъ въ доказательство своего положенія, что князь не былъ обязанъ имѣть совѣтниковъ,— не имѣетъ никакой доказательной силы, по нашему мнѣнію, потому что требованія этой личной дѣятельности были исключительными и обусловливались страшнымъ угнетеніемъ народа со стороны помощниковъ князя, пользовавшихся случаями когда князья почему-либо не имѣли возможности наблюдать и контролировать дѣйствія послѣднихъ по управленію ввѣренными имъ областями. Такъ, напримѣръ, тіуны Всеволода Ольговича, воспользовавшись болѣзнію князя, стали сильно притѣснять народъ, на что кіевляне, при вокняженіи у нихъ, по смерти Всеволода, брата его, Игоря, стали жаловаться новому князю; „и почаша кіяне, говорить лѣтопись, складывати вину на тіуна Всеволожа, на Ратьшу, и на другого тивуна на вышегородьскаго, на Тудора, рекуче: Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ—Вышегородъ; а нынѣ,

княже, цѣлуй намъ хрестъ и съ братомъ своимъ: аще кому нас будеть обида, то ты прави“ *). При жизни Всеволода, зна чить, невозможно было найти управы у князя на его по ручниковъ, почему кіевляне, не желая, конечно, продолж нія подобныхъ порядковъ, и ставятъ условіемъ новому кн зю обязанность оберегать ихъ лично отъ возможныхъ обид потребовавъ, въ подкрѣпленіе обѣщанія, крестнаго цѣл ванія. Это требованіе, слѣдовательно, входитъ здѣсь как одна изъ составныхъ частей „ряда“, наличность котор обусловливается важностью предмета: тіуны своими дѣйств ями „погубили“ два города. Однако, изъ этого случая в все не видно, чтобы населеніе было въ принципѣ против самого существованія помощниковъ княжескихъ, такъ как оно отлично понимало, что обходиться одному князю, без ихъ помощи, нѣтъ возможности; оно возстаетъ противъ не добросовѣстныхъ лишь помощниковъ, которые „губятъ“ го рода и селенія; даже болѣе — понимая, что безусловно чест ныхъ людей найти весьма трудно, что „обиды“ для населе нія необходимы по тогдашнимъ условіямъ жизни, кіевлян лишь заручаются обѣщаніями новаго князя дать имъ упра ву на слишкомъ увлекающихся администраторовъ, ту упра ву, которой тщетно, очевидно, они добивались у его пред шественника. Мы съ намѣреніемъ остановились такъ долг на этомъ случаѣ нашей древней жизни чтобы показать, чт князя никто не обязывалъ имѣть совѣтниковъ уже по то простой причинѣ, что нельзя обязывать къ тому, что необ ходимо совершается въ силу условій жизни. Въ силу этих же условій никто не поднималъ голоса противъ существова нія совѣтниковъ; напротивъ даже, всѣ голоса древнихъ пу блицистовъ сливаются въ одномъ пожеланіи князьямъ — имѣт

*) Ипат., 1146 г.

акъ можно лучшихъ совѣтниковъ. Даніилъ Заточникъ, ав-
ръ извѣстнаго „моленія“, говоритъ по этому поводу: „князь
е самъ впадаетъ во многія злыя вещи, но думцы вводятъ;
добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ
ихимъ думцею думаетъ—и малаго стола лишенъ будетъ *).

Наравнѣ съ этимъ, мы находимъ порицанія лѣтописца
змъ князьямъ, которые держали при себѣ плохихъ, неопыт-
ыхъ „думцевъ“, или которые вовсе не имѣли обыкновенія
овѣщаться о чемъ-либо, дѣйствуя лично или въ кругу не-
ногихъ любимцевъ, „милостниковъ“, какъ называетъ ихъ
топись. „Лютѣ бо граду тому, пророчествуетъ лѣтописецъ,
немъ же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ
адыми свѣтники **)“. Укоряетъ онъ и великаго князя Все-
лода Ярославича за то, что „нача любити смыслъ уныхъ,
вѣтъ створя съ ними“, потому что „си (т. е. „уные“) начаша
водити и негодовати дружины своея первыя, и людемъ не
ходити княже правды, начаша тіуны грабити, людій про-
вати ***)“.

Довольно презрительно, наконецъ, отзывается лѣтопи-
цъ о галицкомъ князѣ Владимірѣ Ярославичѣ, который
бѣ любезнивъ питію многому и думы не любяшеть съ му-
ами своими ****)“; за такое нерадѣніе къ дѣламъ управле-
я онъ долженъ былъ удалиться изъ Галича въ предѣлы
енгріи *****), слѣдовательно, нелюбовь къ думѣ влекла иног-
за собою и фактическія неблагопріятныя послѣдствія, по-
имо уже неуваженія со стороны своихъ современниковъ.

---

*) Бѣляевъ, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 1888 г, стр. 102.
**) Лавр., 1015 г., стр. 79 (изд. отдѣльное, М., 1864 г.)
***) Лавр., 1093 г., стр. 122.
****) Ипат., 1188 г.
*****) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. II (изд. 1869 г.), стр. 278—279.

Такимъ образомъ. послѣ всего сказаннаго, можем кажется, прійти къ заключенію, что князь удѣльно-вѣчев Руси не могъ обходиться безъ совѣтниковъ, что самая во можность управленія удѣломъ могла быть осуществлена лиш при наличности совѣтниковъ, „думцевъ“. Эта необходимос помощниковъ какъ нельзя болѣе сознавалась и обществом и передовыми людьми того времени.

Когда же, въ какихъ случаяхъ обращался князь за с вѣтомъ къ своимъ „думцамъ“?—„Во всѣхъ тѣхъ случаях когда находилъ это *нужнымъ и желательнымъ*; во всѣх остальныхъ онъ дѣйствуетъ *одинъ*“—отвѣчаетъ намъ г. Се гѣевичъ (339). Замѣтимъ, однако, что мы не можемъ пр мирить эти слова автора съ тѣми, которыя онъ высказа тремя строками выше: тамъ онъ, выходя изъ „фактическ необходимости“ для князя имѣть помощниковъ и изъ то что помощники эти были „люди вольные, а не рабы“, в водитъ логически „необходимость“ же для князя и сов щаться съ ними *по всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ они приз вались оказать князю свое содѣйствіе*“ *); здѣсь же гов ритъ, что совѣщанія происходили, когда найдетъ „нужны и желательнымъ“ князь. Слѣдовательно, выводъ изъ послѣ няго положенія: князь могъ находить вовсе и ненужны совѣщаться. Такимъ образомъ, для одного и того же дѣйс вія съ одной стороны—небходимость, а съ другой—выбор усмотрѣніе князя. Что же изъ двухъ? Оба начала вмѣс существовать не могутъ, одно необходимо исключае другое.

*) Это выраженіе представляется неяснымъ. Въ древней Руси мы видимъ раздѣленія функцій управленія, которое, какъ говоритъ авторъ (ibi было крайне несложно. Дружинникъ призывался или поступалъ самъ лишь помощь князю вообще, безъ спеціальныхъ обязанностей исправлять ла какого-либо рода. Не могло быть, слѣдовательно, и категорій спеціальн совѣтниковъ.

о пойдемъ далѣе; тогда намъ будетъ видно, какое же по-
женіе доказываетъ авторъ.

А далѣе онъ говоритъ вотъ что: „памятники говорятъ
о дѣйствіяхъ князя съ совѣта бояръ, митрополита и т. д.,
о дѣйствіяхъ его безъ всякаго совѣта“ (ibid), и при-
дитъ на стр. 340—341 примѣры самостоятельной дѣя-
льности князей, безъ участія княжеской думы, мотивируя
кую дѣятельность единственно *усмотрѣніемъ* дѣйствую-
ихъ лицъ.

Да проститъ намъ почтенный профессоръ, если мы, въ
обществѣ съ нимъ, обратимся къ тому же разсмотрѣнію
азываемыхъ имъ мѣстъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ
самодѣятельности князей.—Начнемъ такъ же, какъ и онъ,
42 статьи академическаго списка Русской Правды, со-
ржащей, какъ извѣстно, „урокъ вирникамъ“, т. е. опре-
леніе размѣровъ „корма“, доставляемаго населеніемъ
рнику во время пребыванія послѣдняго въ предѣлахъ
щины. Оканчивается статья эта словами: „то ти оурокъ
рославль“ *). Какое же заключеніе можно вывести изъ
ихъ словъ? Только то, что статья эта, приписанная къ па-
тнику послѣ перечня статей такъ называемой Правды сы-
овей Ярослава, явилась результатомъ законодательной дѣя-
льности Ярослава, отца ихъ, а не сыновей его. Помѣщая
у приписку, лѣтописецъ и не могъ имѣть въ виду нака-
й другой цѣли, кромѣ указанной. Ни о чемъ другомъ она
говоритъ, не давая никакихъ указаній относительно то-
, написалъ ли ее одинъ Ярославъ, или послѣ совѣщанія
своими дружинниками. Наконецъ, спроспмъ автора, по-
му онъ остановилъ свой выборъ на „урокѣ вирникамъ“,

*) Владимірскій—Будановъ Христоматія, вып. 1 (изд. 1889 г.), стр. 33.

почему именно въ этой статьѣ видѣлъ онъ подтвержде своего мнѣнія объ единоличной дѣятельности князей, поче для этой цѣли ему не могли послужить и первыя 17 с тей академическаго списка, которыя составляютъ ту ча Русской Правды, появленіе которой приписывается дѣяте ности того-же самаго Ярослава? Разъ эту статью авто считаетъ результатомъ творенія, личной дѣятельности ве каго князя Ярослава, то мы не видимъ никакого основа не распространить это положеніе и на первыя 17 ста названнаго списка, хотя, конечно, никто и никогда не утв ждалъ,—да и не имѣетъ никакихъ основаній этого с лать,—чтобы Ярославъ самолично, одинъ написалъ перв русскій сборникъ законовъ.

Въ силу сказаннаго мы никакъ не можемъ согласить что ст. 42 акад. списка Русской Правды служитъ подтв жденіемъ мысли объ единоличной дѣятельности русскихъ к зей на поприщѣ законодательства. Не служитъ она и п тивъ этой мысли; такъ что въ отношеніи интересующа насъ сейчасъ вопроса она занимаетъ нейтральное положен

Дальше.

Второе „доказательство“ мысли своей г. Сергѣеви усматриваетъ въ 16 статьѣ того-же списка, которой Я славъ установилъ смертную казнь рабу за ударъ свободна мужа*). Если мы обратимся къ списку карамзинскому, которомъ статья эта находится подъ номеромъ 76**), то у димъ, что вторая часть этой статьи, именно та, въ котор опредѣляется смертная казнь, значительно измѣнена, буду представлена въ такомъ видѣ: „а за тѣмъ аще гдѣ на зеть оударены тои своего исца, которыи его оударить

*) Влад.—Буд., Христоматія, ibid, стр. 28.

**) Владимірскій—Будановъ, ibid стр. 61—62.

ликыи Князъ то Ярославъ Володимеричь былъ оуставилъ бити, но то сынове его по немъ оуставиша на коуны“, ѣсто первоначальной редакціи ея: „а за тымъ гдѣ его назоуть оудареныи тои моужь, да бьють его“ *). Однако мы, и всемъ своемъ уваженіи къ авторитету проф. Сергѣевича, не можемъ признать себя солидарными съ нимъ въ его глядѣ на эту статью. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же тутъ указаніе на самостоятельное законодательное творчество великого князя Ярослава? Вѣдь нельзя же его усматривать въ овахъ — „Великыи князь то Ярославъ Володимеричь былъ ставилъ оубити“; и вотъ почему. Если бы мы взяли эти ова отдѣльно, какъ они есть, выхватили бы ихъ, такъ азать, изъ текста статьи, то тогда можно было бы еще извѣстною натяжкою видѣть здѣсь подтвержденіе мысли офессора Сергѣевича. Но, насколько удобенъ такой пріь пользованія матеріалами для вывода заключенія, видно детъ изъ слѣдующаго.—Дѣло въ томъ что послѣ приведныхъ выше словъ статьи идетъ продолженіе: „но то сынове его по немъ оуставиша на коуны“, изъ котораго выкаетъ заключеніе, подобно сдѣланному изъ первыхъ словъ оф. Сергѣевичемъ, что сыновья, отмѣняя постановленіе да своего, дѣйствовали также „безъ содѣйствія какого-ли совѣта“. Но такого вывода, къ сожалѣнію, сдѣлать нельпотому что онъ уже прямо противорѣчитъ яснымъ указаніямъ той же Русской Правды; здѣсь мы имѣемъ, конечъ виду приписку передъ 18 статьей ея по академическому списку и ст. 2 по списку карамзинскому, которыми чинается изложеніе Правды сыновей Ярослава **) При-

*) Рус. Правда, спис. акад., ст. 16 (ibid, стр. 28); спис. карамз., ст. 76 id, стр. 62).

**) Владимірскій—Будановъ, ibid, 29 и 36.

писка состоитъ въ слѣдующемъ: „Правда оуставлена Роус
кои земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Св
тославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдин
Микула“. Ст. же 2 карамз. списка читается: „По Яросла
лѣ же паки совъкупившеся сынове его: Изяславъ, Свят
славъ, Всеволодъ и *моужи* ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, М
кифоръ и отложиша“... Имена дружинниковъ княжеских
„думцевъ“, уже говорятъ сами по себѣ, было ли въ да
номъ случаѣ „содѣйствіе какого-либо совѣта“, или нѣтъ.

Такимъ образомъ, надѣемся ясно, что о самостоятел
номъ творчествѣ Ярославичей не можетъ быть и рѣчи; п
даетъ вмѣстѣ съ этимъ и первое заключеніе профес. Се
гѣевича, потому что оба они выведены изъ однѣхъ и тѣ
же посылокъ. Признанныя несостоятельными для одно
онѣ оказываютъ такое же дѣйствіе и на дѣйствительнос
другаго заключенія, въ данномъ случаѣ заключенія уважа
маго автора.

Такимъ образомъ, вникнувъ во *все* содержаніе указ
ваемой г. Сергѣевичемъ статьи, и сопоставивъ ее съ вт
рою редакціею ея въ карамзинскомъ спискѣ, а также и
другими мѣстами нашего древнѣйшаго законодательна
сборника, мы должны будемъ признать, что и это доказ
тельство является несостоятельнымъ: статья 76 карамз. сп
ска даетъ лишь краткія указанія на отмѣну сыновьями Яр
слава смертной казни для раба за ударъ свободнаго чел
вѣка, установленной ихъ отцомъ, не давая въ тоже вре
никакого матеріала для сужденія объ единоличной дѣятельн
сти какъ первыхъ, такъ и втораго. Напротивъ, изъ вы
приведеннаго сопоставленія обнаруживается характеръ дѣ
тельности Ярославичей, какъ разъ противоположный тому, к
торый указываетъ въ своемъ сочиненіи проф. Сергѣевич

льше шансовъ, конечно, видѣть, за отсутствіемъ прямыхъ
азаній источниковъ, такой же характеръ и въ дѣятельно-
и самого Ярослава, какъ дѣятельности древнѣйшей и,
итомъ, ничѣмъ не выдававшейся изъ общаго уровня со-
еменной жизни. Утвержденіе противоположнаго, тѣмъ бо-
е въ частныхъ проявленіяхъ такой дѣятельности, должно
ть подкрѣплено, конечно, болѣе вѣскими, и болѣе убѣди-
льными доказательствами, чѣмъ тѣ, которыя находимъ въ
смотриваемомъ теперь сочиненіи.

Остановимся, далѣе, на тѣхъ двухъ жалованныхъ гра-
тахъ, на которыя ссылается авторъ; это именно: грамота
. кн. Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода
рьеву монастырю 1130 года*), а вторая грамота или
ставъ" новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137
а**). Что касается первой грамоты, то она, дѣйствитель-
написана безъ упоминанія кого-либо, кромѣ кіевскаго
язя Мстислава Владиміровича и сына его, новгородскаго
язя Всеволода. Если даже въ этомъ умолчаніи о налич-
сти совѣта „думцевъ" при выдачѣ жалованной грамоты
тя можно объяснить это умолчаніе просто желаніемъ
идать больше авторитета своей власти, тѣмъ болѣе, что
проявляется здѣсь относительно вопроса сравнительно
начительнаго, второстепеннаго) и можно видѣть выраже-
самодѣятельности князей, то всетаки оно въ значитель-
й степени умаляется тѣмъ обстоятельствомъ, что касается
ограниченія, уменьшенія принадлежащихъ князьямъ
авъ; — послѣдніе лишаютъ себя части своихъ доходовъ,
авая ихъ въ пользованіе монастырю св. Георгія, въ видѣ

*) Здѣсь мы позволимъ себѣ исправить вкравшійся недосмотръ со сторо-
автора: грамота эта помѣщена не въ актахъ Археографической Экспедиціи,
указано у него (340), а въ дополненіяхъ къ актамъ историческимъ, т. I, № 2.
**) Влад.—Будановъ, Христоматія, вып. 1, стр. 239—240.

вклада послѣднему на молитвы при жизни и на помино
ніе по смерти вкладчиковъ: „и ты, игумене Исаіе, и
братіе, донелѣ же ся миръ съ стоить, молите Бога за мя и
моѣ дѣти, кто ся изоостанеть въ манастыри, то вы т
дължны есте мълити за ны Бога и при животѣ и въ съмърти

Изъ всѣхъ же нашихъ изслѣдователей никто, конеч
не станетъ признавать необходимымъ участіе „думцевъ"
рѣшеніи дѣлъ, касающихся интересовъ лично одного кня
такъ сказать, чисто семейныхъ. Если же и видимъ при
ры такого участія, то это объясняется уже расположеніе
князя, дѣйствительно его доброю волею; дружинники и
могли, понятно, претендовать, на это участіе и не мо
считать себя обиженными, если въ рѣшеніи подобныхъ
просовъ обходились безъ нихъ. Переходя къ „уставу" кн
Святослава, которымъ замѣняется десятина отъ виръ и п
дажъ, шедшая въ пользу св. Софіи, огульною суммою
100 гривенъ „новыхъ кунъ", мы встрѣчаемъ уже пря
указаніе, что памятникъ этотъ явился какъ результ
„уряженія" князя съ епископомъ новгородскимъ Ниф
томъ **), мнѣніе котораго лишь и могло имѣть здѣсь мѣ
такъ какъ цѣль грамоты состояла въ реформѣ церковн
доходовъ св. Софіи, находящихся въ управленіи епископ
Сокращенный порядокъ этой реформы, если можно такъ
разиться, обусловливался въ значительной степени тѣ
что десятина въ пользу церкви установлена была „пр
бывшими князи", освящена, слѣдовательно, и авторитет

*) Влад.—Будановъ, ibid, стр. 116; Д. къ А. И., т. I, стр. 2, столб.

**) Памятникъ заканчивается слѣдующей датой: „Въ лѣто 6645 инд
15. Ожели кто въ которое врѣмя а то рюшить, или отиметь, что я у р я д
князь Никола Святославъ съ владыкою Нифонтомъ, и
ли, или инъ кто сильныхъ Новгородець, а будеть Богу противенъ и св
фіи"—Влад.—Будановъ, ibid, стр. 240.

редшественниковъ и временемъ; теперь же вопросъ под-
мался только о болѣе правильной организаціи поступле-
я этой десятины въ церковь. Очевидно, практика пред-
ествовавшаго времени показала приблизительную сумму
оступленія около 100 гривенъ, которую теперь князь, по-
вѣтовавшись съ епископомъ, а, по всей вѣроятности, по
иниціативѣ послѣдняго и рѣшилъ выдавать единовременно,
разу, а не въ видѣ текущихъ поступленій, какъ то было
аньше.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло, слѣдовательно, съ вопросомъ,
носящимся скорѣе къ области управленія церковнаго, чѣмъ
ражданскаго, и потому подлежавшимъ разсмотрѣнію и одо-
ренію авторитетовъ церковной іерархіи, на что и имѣется
рямое указаніе въ „уставѣ“.

Наконецъ, заключимъ обозрѣніе доказательствъ г.
ергѣевича разсмотрѣніемъ послѣдней группы изъ тѣхъ, на
оторыя онъ ссылается, это именно—церковнаго устава св.
ладиміра и устава новгородскаго князя Всеволода Мсти-
авича, даннаго имъ церкви св. Іоанна Предтечи на Опо-
ахъ (около 1135 г.) *).

„Церковный уставъ Владиміра Святаго, пишетъ г. Сер-
евичъ, данъ этимъ княземъ только по совѣщанію съ же-
ою и дѣтьми, а не съ мужами... Для насъ чрезвычайно
ажно, что... позднѣйшіе составители не нашли нужнымъ
казать въ своей поддѣлкѣ на участіе думы. Если бы это
частіе составляло въ ихъ время (XII—XIII в.) общее пра-
ило, они не упустили бы упомянуть о „думѣ“ съ боярa-
и, чтобы придать дѣлу рукъ своихъ признакъ достовѣрно-
ти. Если они этого не дѣлаютъ, это ясный знакъ, что „ду-

*) Владимірскій—Будановъ, Христоматія, вып. I, стр. 212—215, 233—237.

ма бояръ“ не составляла необходимости даже въ таки
важныхъ дѣлахъ, какъ опредѣленіе правъ церкви... Кня
можетъ все это сдѣлать самъ, никакіе помощники ему здѣ
не нужны. Эти пожалованія (т. е. церкви) затрогиваю
лишь интересы его семьи, и съ нею онъ совѣщается. Т
кимъ образомъ, важнѣйшія права нашей древней церк
получили свое бытіе отъ личнаго усмотрѣнія князя, бе
участія въ этомъ дѣлѣ боярской „думы“ (стр. 340—34

Приводимой тирадой авторъ, кажется, всего больше х
четъ доказать справедливость своего взглядя, видя въ н
такой аргументъ, противъ котораго уже нечего возрази
Мы думаемъ, однако не такъ. Постараемся объяснить
Ни подлинникъ устава, если бы онъ дошелъ до нашихъ дней,
первые списки его не могли говорить ничего о думѣ кн
жеской по очень простой причинѣ,—потому что положен
„думцевъ“ князя Владиміра походило бы въ данномъ сл
чаѣ на положеніе тѣхъ членовъ думы боярской Царя Але
сѣя Михайловича, которые на вопросъ объ ихъ мнѣніи
разсматриваемому предмету, „брады свои уставя, ничего
отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре
по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ ни
грамотѣ не ученые и не студерованые*). Сравнивая „ду
цевъ“ X и XVII вѣковъ, мы имѣемъ въ виду не „ве
кую породу“, которая при Владимірѣ врядъ ли играла
могущественную роль, которая выпала на ея долю въ М
сковской Руси, а то, что въ оба эти момента времени м
гіе „думцы“, въ десятомъ же вѣкѣ, пожалуй, и всѣ, бы
„не студерованые“, т. е. необладающіе знаніями, неучи.

*) Котошихинъ—„О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“,
1884 г., стр. 27.

И о чемъ же могъ совѣщаться въ этомъ случаѣ св. ладиміръ съ своими дружинниками, которые только что иняли христіанскую вѣру и были, поэтому, несвѣдущи правилахъ и обычаяхъ православной церкви? Князь, ко-чно, сознавалъ всю безполезность совѣщанія въ данномъ учаѣ, несмотря на важность подлежащаго разрѣшенію во-оса. Наше предположеніе тѣмъ вѣрнѣе, что этотъ князь едставляется въ лѣтописяхъ, какъ *постоянно* совѣщаю-йся съ дружиною своею, вносящій на ея обсужденіе во-осы, слѣдовательно, и не такой важности, какъ настоящій: ѣ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ" *). Нѣтъ, не съ дружи-ю долженъ былъ совѣщаться Владиміръ объ устройствѣ да церковнаго на Руси, а съ учителями русскихъ въ дѣ-новой вѣры, т. е. иначе,—съ греческимъ духовенствомъ. е мѣсто здѣсь, въ коротенькой замѣткѣ, распространять-о томъ громадномъ значеніи, авторитетѣ, проникавшемъ всѣ сферы тогдашняго управленія, какимъ пользовалось ховенство у насъ на Руси до конца XVII столѣтія. Зна-ніе это, по естественному закону, должно было быть еще льше въ первые вѣка послѣ принятія христіанства и осо-нно велико при первомъ христіанскомъ князѣ. Духовенство гда видѣло въ новообращенной паствѣ ни болѣе ни ме-е, какъ малыхъ, неразумныхъ дѣтей, которыхъ надо учить у—разуму. И оно, дѣйствительно, съ энергіей принялось обученіе русскихъ, проводя въ жизнь ихъ византійскія чала, и стремясь на Руси занять тоже доминирующее ложеніе надъ свѣтской властью, какимъ оно пользовалось себя на родинѣ, въ Византіи...—Мы не будемъ распро-

*) Лавр., 996 г., стр. 70.

страняться объ этомъ предметѣ, потому что обстоятел
ное и тщательное изложеніе вопроса объ отношеніяхъ це
кви и государства въ Россіи до XVIII вѣка читатель на
детъ въ томъ же разбираемомъ нами сочиненіи *). Для на
же достаточно вполнѣ и сказаннаго.

Спрашивается теперь, какое же положеніе могла заня
дружина Владиміра, его „думцы", въ рѣшеніи вопроса
пространствѣ церковнаго суда, того вопроса, которому и
самихъ только что учили, да не только ихъ, но и само
князя Владиміра? Конечно, никакого,—отвѣтитъ всякій.

Вопросъ этотъ могло рѣшить, да и рѣшило на само
дѣлѣ, одно духовенство. Оно стремилось къ власти, а п
слѣдняя достигается правомъ суда, къ которому нужно пр
соединить еще и обладаніе матеріальными благами, съ п
лученіемъ которыхъ было соединено тогдашнее судопро
водство. Уставъ Владиміра предоставляетъ духовенству и
и другое.

Въ этомъ же заключается и разгадка того, что Вл
диміръ, „разверзъше грецьскыи номоканонъ", „обрѣтохъ
немъ оже не подобаеть сихъ соудовъ и тяжь князю соуд
ти, ни бояромъ его, ни соудьямъ", почему онъ „сгада
есть съ своею княгинею съ Анною и съ своими дѣть
дать тѣ суды церквамъ, всѣмъ епископіямъ по Русск
земли" **). Церковная юрисдикція Византіи была цѣлико
перенесена на русскую почву. Тѣмъ же византійскимъ в
яніемъ объясняется и совѣщаніе Владиміра съ своею жен
Анною;—это совѣщаніе имѣло мѣсто потому, что Анна б
ла греческая царевна, черезъ которую, можно сказать,
решло и христіанство на Русь, и голосъ которой поль
вался, конечно, большимъ авторитетомъ при рѣшеніи воп

*) Глава III.—Духовенство; стр. 481—583.

**) Влад.—Будановъ, ibid, стр. 212—213; Д. къ А. И., т. I., № 1.

товъ церковныхъ. Нечего говорить уже о томъ, что симпатіи русской княгини были на сторонѣ роднаго духовенства, которому она всѣми силами стремилась доставить наилучшее положеніе въ новопросвѣщенной странѣ. Поэтому то и иниціатива всѣхъ относящихся сюда мѣропріятій исходила или лично отъ нея, или же черезъ нее дѣйствовало на князя духовенство въ своемъ стремленіи къ пріобрѣтенію какъ можно больше себѣ правъ. Вотъ почему великій князь Владиміръ и „разверзъ грецьскый номоканонъ“ и отыскалъ въ немъ мѣсто, нужное для пришлаго духовенства. Въ сказанномъ мы усматриваемъ причину того, что уставъ св. Владиміра ничего не говоритъ о совѣщаніи князя съ своими „думцами“, причину болѣе глубокую, чѣмъ „личное усмотрѣніе“ князя, которое видитъ въ этомъ признакѣ профессоръ Сергѣевичъ. Умолчаніе позднѣйшихъ составителей устава о „думѣ“ и свидѣтельствуетъ объ отсутствіи поддѣлки, а лишь о простой перепискѣ памятника, оригиналъ котораго для насъ утраченъ. Умолчаніе это какъ разъ совпадаетъ съ дѣйствительными условіями того времени, когда былъ изданъ памятникъ. Напротивъ, помѣстивъ имена дружинниковъ, „думцевъ“, чтобы придать, по мнѣнію проф. Сергѣевича, признакъ достовѣрности творенію рукъ своихъ, они, по мнѣнію нашему, выдали бы себя съ головой въ фальсификаціи устава. Говорить много объ уставѣ Всеволода, данномъ имъ церкви Іоанна на Опокахъ, не будемъ. Грамота эта, дошедшая до насъ не въ первоначальномъ видѣ, съ измѣненіями, несообразностями, полная неточностей, противорѣчій и анахронизмовъ*), уже сама по себѣ заслуживаетъ слишкомъ мало довѣрія, чтобы основывать

*) См. Владимірскій—Будановъ, Христоматія, вып. 1, стр. 233—234; примѣчанія составителя—1, 2, 8.

на ней какіе-либо выводы, имѣющіе общій характеръ.

Въ заключеніе этой части замѣтки нашей мы позволимъ
бѣ вернуться еще разъ къ мнѣнію проф. Сергѣевича, в
сказанному имъ при разборѣ устава св. Владиміра,—ч
„важнѣйшія права нашей древней церкви получили свое б
тіе отъ личнаго усмотрѣнія князя, безъ участія въ это
дѣлѣ боярской думы“ (341).

Выше мы объяснили, какъ умѣли, причину этого
сутствія „думы“ по отношенію къ уставу св. Владимір
теперь скажемъ, что такое же отсутствіе и по такимъ
причинамъ находимъ мы и въ послѣдующемъ по време
сборникѣ церковныхъ законовъ—уставѣ вел. князя Ярос
ва Владиміровича, причемъ въ послѣднемъ уже очевид
вліяніе духовенства на составленіе устава*).

Съ теченіемъ времени дѣйствіе причинъ, мѣшающи
свѣтскимъ „думцамъ“ князей принимать участіе въ рѣш
ніи вопросовъ церковныхъ управленія и организаціи, долж
было исчезнуть; съ устраненіемъ же причинъ должны бы
явиться прежніе результаты, т. е. „дума“ княжеская долж
была бы проявлять свою дѣятельность и въ указанномъ
ношеніи, чего она лишена была до сихъ поръ.

И дѣйствительно, факты подтверждаютъ наше предп
ложеніе: уставъ в. кн. Всеволода „.о церковныхъ судѣ
и о людехъ и мирилѣхъ торговыхъ“ (1125—1136 гг.) и
дается послѣ того, какъ князь „погадалъ есть съ влад
кою и съ своею княгинею и съ своими боляры и съ д
сятью сотчкыми и съ старостами“**); князь Ростисла
Мстиславичъ выдаетъ уставную грамоту смоленской еп

---

*) Влад.—Будановъ, ibid, стр. 217: „сгадалъ есми съ митрополитомъ Ларіономъ“, говоритъ Ярославъ.

**) Влад.—Буд., ibid, стр. 227.

опіи (10 сент. 1150 г.), „сдумавъ съ людми своими“ *), дъ которыми проф. Владимірскій—Будановъ подразумѣетъ даже вѣче, народное собраніе**).

Все это, думаемъ, позволяетъ усумниться въ томъ, поняла ли наша древняя церковь свои права отъ „личнаго мотрѣнія князя“. Мы разсмотрѣли сущность доказательствъ роф. Сергѣевича; не будемъ, однако, дѣлать вывода изъ ого разсмотрѣнія,—убѣждаютъ ли эти доказательства, слуятъ ли они подтвержденіемъ положенія автора: предоставимъ сдѣлать это читателю. Наша роль ограничивается лишь редставленіемъ фактовъ.

Предоставляемъ также читателю судить, могъ ли проф. ргѣевичъ, на основаніи имъ собранныхъ данныхъ, утвердительно сказать, что „дума князя есть актъ его доброй воли, а не обязанность“ (342 стр.)

Мы смѣло бы могли считать нашу задачу оконченной, съ какъ въ разсмотрѣнномъ лишь сказалась обособленность автора отъ своихъ предшественниковъ—въ остальной сти своего изложенія о думѣ княжеской онъ не предстаетъ ничего новаго, отличающагося отъ прежде существовавшихъ воззрѣній,—но одно замѣчаніе, бросившееся въ за, удержало насъ отъ того, чтобы положить перо; на мъ мы рѣшили остановиться нѣкоторое время.

Говоря о составѣ княжеской „думы“, составѣ въ большинствѣ случаевъ совершенно нормальномъ, т. е. изъ старыхъ дружинниковъ, авторъ приводитъ случаи, когда князь язь сокращалъ до minimum'а число совѣтниковъ, призывая на совѣщаніе лишь однихъ своихъ „милостниковъ“; это не была „дума“, конечно, исключительная, какъ признаетъ

*) Ibid, стр. 241.
**) Ibid, стр. 241, прим. 2; стр. 246, прим. 39

то самъ авторъ, указывающая на самостоятельный характ
князя, созывавшаго ее,—а такихъ князей не любили
древней Руси. Съ другой стороны авторъ указываетъ с
чай, такъ сказать, увеличеннаго состава „думы", въ ко
ромъ къ дружинѣ присоединяется еще народное вѣче
Вотъ о немъ то мы и хотимъ побесѣдовать. Случай это
по словамъ автора, слѣдующій: „Изяславъ Мстиславичъ,
думавъ войну съ дядею Юріемъ, призываетъ на совѣща
„бояры своя и всю дружину свою, Кіяне, и рече имъ
(ипат., 1147 г.). Здѣсь *цѣлое вѣче превратилось въ княж
думу*" (стр. 348).

Мы позволимъ себѣ безусловно не согласиться съ т
кованіемъ, которое даетъ проф. Сергѣевичъ этому мѣ
лѣтописи. Да, впрочемъ, и не мы одни не соглашаемся
не соглашается также и. . самъ профессоръ Сергѣевичъ, то
ко въ другомъ своемъ сочиненіи.

Если бы мы хотѣли копировать уважаемаго профес
ра, то всего умѣстнѣе было бы здѣсь привести его же с
ва: „положеніе критика очень трудное,... когда авторъ
сказываетъ объ одномъ и томъ же предметѣ совершен
разныя мнѣнія**). Однако, вернемся же къ „случаю". Съ эт
цѣлью мы попросимъ читателя развернуть на стр. 18—
сочиненіе проф. Сергѣевича—„Вѣче и Князь"***, гдѣ п
водится тоже мѣсто лѣтописи, въ болѣе полномъ только
дѣ, къ которому присоединено объясненіе автора. Кн
Изяславъ, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, созвалъ боя

---

*) Мы говоримъ объ одномъ случаѣ потому, что во второмъ изъ
веденныхъ авторомъ видимъ самое обыкновенное засѣданіе думы, рѣшак
военный вопросъ; да и самъ авторъ держится такого же взгляда въ дру
лишь мѣстѣ своего сочиненія (стр. 342).

**) Сергѣевичъ, Совѣтники князья, стр. 431, прим. второе.

***) Сергѣевичъ, Рус. юрид. древн., т. II, вып. 1—Вѣче и К
изд. 1893 г.

жину всю и кіевлянъ и началъ держать имъ рѣчь, убѣ-
ая итти съ нимъ въ походъ на Юрія; князю возражали
ни кіевляне, совѣтуя ему лучше уладить дѣло миромъ, и,
гда онъ снова сталъ настаивать на походѣ сказали: „кня-
ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володиміре
емя рукы възняти; олня же Олговичь хотя и съ дѣтми".
виду категорическаго отказа кіевлянъ, князю оставалось
ть обратиться къ охотникамъ, что онъ и исполнилъ.—
тъ фабула разсказа, которая не даетъ никакихъ признаковъ
няжой думы": князь, заранѣе рѣшивъ войну, причемъ въ
шеніи участвовала, очевидно, дружина, т. е. члены „ду-
", потому что она молчитъ на вѣчѣ, предлагаетъ народу
собраніи принять участіе въ предполагаемомъ походѣ, такъ
къ оно въ значительной степени обезпечивало успѣхъ пред-
ятія; народъ отказывается, и князь кличетъ кличъ охот-
камъ.— Посмотримъ, какъ объяснитъ это совѣщаніе г.
ргѣевичъ, причемъ впередъ просимъ извиненія у читателя
повтореніе.

„На совѣщаніе, пишетъ онъ (стр. 19), были призваны
ижескіе бояре, вся дружина и кіевляне, а участіе въ пре-
хъ принимаютъ только князь и кіевляне. Надо полагать,
соглашеніе съ приближенными боярами и дружиной уже
стоялось, и въ настоящемъ случаѣ дѣло шло лишь объ
вѣженіи народа помочь князю. Цѣль эта не была достиг-
та. Кіевляне рѣшительно отказались итти противъ Вла-
міра племени и предостерегали князя отъ довѣрія къ
ниговскимъ князьямъ. Изяславъ не послушалъ ихъ. Онъ
ратился къ охотникамъ и съ ихъ помощью пошелъ про-
въ дяди, оставивъ брата своего, Владиміра, въ Кіевѣ".

Итакъ слѣдовательно, резюме: совѣщаніе съ дружиной
е состоялось до объясненія съ народомъ; въ настоящій

же моментъ нѣтъ никакой рѣчи о „думѣ княжой". Не м
ло, поэтому, и „цѣлое вѣче превратиться въ княжую дум
какъ увѣряетъ насъ авторъ въ своемъ сочиненіи „Сов
ники князя".

Да извинительно будетъ намъ это сопоставленіе дв
трудовъ автора; сдѣлали мы это для того, чтобы имѣть
можность привести выраженіе, которое онъ употреб
при разборѣ сочиненія проф. Ключевскаго *): — „это не
возражаемъ автору, а онъ самъ себѣ возражаетъ".

Заканчивая нашу замѣтку, мы сочли небезъинтер
нымъ сдѣлать еще одно сопоставленіе — привести выводы
княжеской „думѣ" удѣльно-вѣчевой эпохи профессоровъ С
гѣевича и Загоскина.

Вотъ какъ резюмируетъ г. Сергѣевичъ свое изложе
„о думѣ князей до-московскаго времени": „это было не
стоянное учрежденіе, а собраніе довѣренныхъ и нужн
лицъ, съ которыми князь желалъ обсудить какое-либо м
пріятіе. Составъ этого собранія всегда зависѣлъ отъ ус
трѣнія князя и состоялъ то изъ небольшого числа 1, 2
лицъ, то включалъ въ себѣ всю княжескую дружину,
наконецъ, расширялся до цѣлаго вѣча. Различія эти за
сѣли отъ особенностей случая, подлежавшаго обсужденію
главнымъ образомъ отъ воли князя. Одни и тѣже вопр
войны обсуждаются то съ однимъ милостникомъ, то со в
ми вольными слугами и цѣлымъ вѣчемъ" (стр. 349—35

„Въ княжеской думѣ удѣльно-вѣчеваго періода,
шетъ г. Загоскинъ, не слѣдуетъ видѣть правительственн

*) Во второй главѣ настоящаго труда г. Сергѣевичъ критикуетъ с
неніе проф. Ключевскаго:—„Боярская дума древней Руси" см. стр. 436

ановленія съ извѣстною правильною организаціей, съ опре-
енными предметами компетентности, съ твердо регулиро-
ными отношеніями къ князю съ одной стороны и къ
стному управленію съ другой. Княжеская дума этого пе-
да не представляла установленія юридически-опредѣлен-
го. Она была явленіемъ чисто фактическимъ, начало ко-
раго коренилось въ самыхъ условіяхъ государственнаго
та древней Руси. Думу княжескую составляла вся сово-
ность лицъ, созванныхъ княземъ для совѣщанія объ из-
стномъ предметѣ. Личный составъ ея не носилъ твердо-
редѣленнаго характера, онъ былъ чисто случайнымъ, за-
я отъ усмотрѣнія князя и степени значенія и вліянія
къ или другихъ лицъ въ дружинѣ княжеской" *).

Сопоставленіе это сочли мы небезъинтереснымъ пото-
что изъ него явствуетъ, какъ мало разницы между сущ-
стью прежняго, „господствовавшаго" мнѣнія и „новаго",
оводникомъ котораго въ литературу явился профессоръ
ргѣевичъ. Что же касается до тѣхъ отступленій, которыя
матриваются въ послѣднемъ мнѣніи, то по отношенію къ
нимъ изъ нихъ опроверженія находятся въ самомъ изло-
ніи автора и легко замѣчаются болѣе или менѣе внима-
льнымъ читателемъ, по отношенію же къ другимъ—пред-
авленіе таковыхъ взяли на себя мы.

Насколько успѣшно исполнена послѣдняя задача—су-
ть предоставляемъ читателю.

*) Загоскинъ, Исторія права Московскаго госуд., т. II, стр. 4, 8, 12.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
19 г.